

УЧИТЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В. И. Федорова

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Красноярск

Изучена учительская интеллигенция Енисейской губернии на рубеже XIX–XX веков как социопрофессиональная группа. Исследована динамика численности, социальное и правовое положение, образовательный уровень, морально-этическая мотивация профессиональной деятельности, культурные запросы и политические настроения учительской интеллигенции. Делается вывод, что учительство, являясь самой массовой профессиональной группой губернской интеллигенции, сыграло ведущую роль в трансляции достижений культурного модерна в массовое сознание сибирского общества.

Ключевые слова: *учительская интеллигенция, социопрофессиональная группа, социальный и правовой статус, профессиональные организации, культурные потребности, культурный модерн.*

Проблема социокультурного облика учительской интеллигенции вписывается в русло отечественной «новой социальной истории», для которой актуально включение антропологического аспекта исторической реальности в объект пристального изучения. В исторической литературе проблема учительской интеллигенции долгое время рассматривалась неотрывно от истории народного образования. Таковой она предстает на общероссийском материале в трудах В. П. Вахтерова, П. Ф. Каптерева, Н. В. Чехова и др. [1–3]. Не задаваясь целью дать цельную характеристику учителей как особой социопрофессиональной группы, они приводят весьма ценные сведения о месте учителя в социальной иерархии российского общества. Применительно к Енисейской губернии интересные данные для характеристики учительского контингента содержатся в публикациях Н. П. Березовского и А. Оносовского [4, 5].

В советский период тема дореволюционного учительства по инерции продолжала рассматриваться в контексте истории образования. Так, Н. С. Юрцовский констатировал рост числа учителей в Сибири и повышение их квалификации, коснулся их материального положения и профессиональной деятельности [6]. Д. Г. Жолудев в монографии, посвященной истории дореволюционной школы Енисейской губернии, дал сведения о численности, образовательном уровне учителей, материальном положении, но только одной профессиональной группы – учителей начальной школы [7].

Лишь со второй половины 1960-х гг. советские историки начинают широкое изучение дореволюционной российской интеллигенции как особой социальной группы. Первопроходцем в этом отношении стала В. Р. Лейкина-Свирская, монография которой долгое время оставалась эталоном для историков, изучавших конкретные профессиональ-

ные группы и отдельных представителей российской интеллигенции [8]. Но по-настоящему масштабно изучение отечественной интеллигенции, в том числе и учительской, развернулось уже в постсоветский период. В это время оно уже велось с новых методологических позиций – социокультурного анализа. Пионером этого направления можно назвать И. В. Сучкова, давшего в своих работах обобщенную характеристику российской учительской интеллигенции [9]. Успешно в последнее время разворачивается изучение различных аспектов социокультурной характеристики учительской интеллигенции на региональном материале, в том числе и сибирском, в работах О. В. Блиновой, Е. В. Казанцева, М. А. Курпаса, И. В. Неупокоева, В. И. Федоровой, А. С. Шилова [10–14]. Однако общее состояние в изучении проблемы таково, что оно требует более тщательной проработки конкретных характеристик сибирского учительства. В данной статье предпринята попытка сделать это на материалах Енисейской губернии.

Профессия учителя в Сибири становится массовой только к концу XIX в. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., общая численность учителей в Енисейской губернии составила 590 человек, т. е. 0,1 % от всего населения [15, с. VI]. К 1916 г. численность учителей только начальной школы в губернии выросла почти в 1,5 раза, составив 1 148 человек [4, с. 10]. В то время как доля учителей в общей массе населения осталась на том же уровне.

К концу дореволюционного периода наблюдается заметное возрастание численности сельских педагогов по сравнению с городскими. Так, если в 1897 г. соотношение численности городских и сельских учителей было практически равным, то к 1915 г. численность учителей, работавших в сель-

ских школах, превысила численность городских в 4,9 раза [13, с. 150].

Большую часть губернского учительства составляли учителя начальной школы, образовательный уровень и профессиональная подготовка которых были очень низки. Как правило, среди них преобладали выпускники учительских семинарий, женских гимназий и епархиальных училищ. Более трех четвертей учителей народных школ губернии являлись выпускниками Красноярской учительской семинарии, дававшей специальное начальное образование. К 1915 г. из 832 народных учителей 621 (74,6 %) имели специальное начальное образование; 203 (24,3 %) – среднее; 8 (0,9 %) – без образования [4, с. 10]. Среди учителей начальных школ перед Первой мировой войной не было ни одного человека с высшим образованием.

Очень велика была доля женщин. В сельских школах в 1916 г. она составляла 60,5 %, в городских – 83,6 % [4, с. 13–14]. Преобладание женщин объясняется тем, что мужчин учительская профессия в силу ее низкого социального и материального статуса не привлекала.

Социальный состав учителей народных школ был весьма демократичным. Преобладали выходцы из низших сословий: мещан, казачества, разночинцев, сельского духовенства. Крестьяне среди учителей встречались редко. В конце XIX в. среди учеников Красноярской учительской семинарии они составляли всего 10 %. Главной причиной, сдерживавшей приток крестьян в семинарию, был низкий образовательный уровень выпускников сельских школ. Но в начале XX в., по мере того как увеличивалось число учеников, оканчивавших сельские училища, крестьянский контингент стал приближаться к 40 %, а в 1917 г. крестьянские дети уже составляли 75 % учащихся семинарии.

Преобладающей возрастной группой среди учителей начальных школ в губернии являлась молодежь. По данным школьной переписи 1911 г., учителя в возрасте до 20 лет составляли 24 %; от 20 до 30 лет – 57 %; от 30 до 40 лет – 13 %; более 40 лет – 6 %. У подавляющей массы учителей профессиональный стаж был невелик: меньше 5 лет – 57 %; от 5 до 9 – 26 %; более 9 лет – 17 % [16, с. 21].

Стаж работы прямо влиял на оплату труда. Учитель, имевший стаж свыше 20 лет, получал почти в 2 раза больше. Кроме того, на конечный заработок влияла часовая нагрузка, воспитательная работа, проверка письменных работ, дополнительные уроки, образовательный ценз и пр., в результате заработок учителя начальной школы Министерства народного просвещения колебался в пределах от 50 до 620 рублей в год. Еще более скромной была зарплата у учителей церковно-приходских школ. Так, те, у кого было среднее образование, получали

360 руб., имевшие свидетельство о звании учителя – 240–270 руб., не имевшие такового – 180 руб. [17, с. 482]. В городах местная власть выплачивала надбавки за выслугу лет. В Красноярске учителям, прослужившим от 5 до 10 лет, выплачивали 84 руб., при стаже свыше 10 лет – 150 рублей. В селах надбавки были крайне редки и платились лишь зажиточными сельскими обществами в том случае, если население было очень заинтересовано в работе школы. В бедных селах зачастую учителя вообще не получали денежного жалования, находясь на натуроплате.

В 1908 г. был принят закон, согласно которому годовой заработок учителя не должен быть менее 360 рублей. Это немного больше среднего годового заработка промышленного рабочего, а учитывая то, что годовая занятость учителя не превышала обычно 6–7 месяцев, следует сказать, что обеспеченность народного учителя была выше, чем у наемных рабочих. В свободное от занятий время учитель мог заняться приработками, давая дополнительные уроки, оказывая какие-либо услуги по оказанию юридической помощи крестьянам. В годы столыпинской реформы в деревне стала быстро развиваться кооперация, и активное участие в этом принимали местные учителя. Они вели в крестьянских кооперативах бухгалтерию, административную работу. У сельских педагогов важным подспорьем к их семейному бюджету было свое хозяйство, некоторые держали пасеки.

При выяснении материальной обеспеченности учителя следует исходить не из номинальной, а из реальной зарплаты. Цены на продукты питания в сельской местности по тем временам были не высоки, но бюджет учителя включал, кроме питания, одежды, взносов в пенсионную кассу, необходимые для его профессии затраты на книги, журналы, письменные принадлежности, отдых и прочие культурные нужды, обходившиеся очень недешево. Поэтому месячный бюджет среднестатистического сельского учителя без семьи с окладом в 46 руб. в месяц сводился с дефицитом, составлявшим примерно 1/5 часть зарплаты. Положение усугублялось хронической задолженностью по зарплате и ее нерегулярностью.

Учитель народной школы хотя и относился к государственным служащим, но стоял на самой низкой ступеньке Табели о рангах, соответствовавшей 14-му классу. Однако получить действительный чин он мог только после 12 лет службы, поэтому примеры успешного продвижения народных учителей по службе очень немногочисленны. Профессиональная деятельность народного учителя жестко регламентировалась множеством циркуляров и инструкций Министерства народного просвещения, низводя до роли технического исполни-

теля воли чиновников от образования. Даже одежда и поведение вне школы регламентировались циркуляром министерства от 1896 г. В то же время статус чиновника освобождал учителя от воинской службы (в мирное время) и других повинностей, которые несло податное население. Наконец, учитель имел такой важный социальный бонус, как пенсия. Пенсия была равна половине штатного оклада, при выслуге в 25 лет и более выплачивался полный оклад. В случае смерти учителя пенсия переходила к его вдове и детям. Пенсия складывалась из отчислений учителя от зарплаты. Взнос в пенсионную кассу составлял 6 % от жалования для действительных участников кассы и 12 % – для добровольных. По данным исследования, проведенного журналом «Сибирская школа», среди учителей Енисейской губернии получавших пенсию, почти у 40 % она была ниже прожиточного минимума [18, с. 51].

Однако все вышеперечисленные блага имели только учителя министерских школ, на работников церковно-приходских школ, городских училищ, частных, ремесленно-технических и коммерческих школ они не распространялись. Поэтому в целом положение учителя начальной школы в царской России нельзя назвать удовлетворительным. Картины бедственного положения как школ, так и учителей из глубинки во всей своей остроте встали перед участниками I Всероссийского съезда народных учителей, который проходил в Москве в декабре 1902 – январе 1903 г. Многие делегаты говорили о трудностях, которые приходилось испытывать народному учителю: продолжительный рабочий день (9 часов), нищенский заработок, антисанитарная обстановка как классных помещений, переполненных учениками, так и собственных тесных квартир, неопределенное общественное и служебное положение, безрадостное будущее своих детей. Отмечалось, что у народного учителя «много, очень много обязанностей, а своих прав он почти не знает». «Голодная профессия», «интеллигентный пролетарий» – такие определения находили делегаты съезда понятию «народный учитель».

Однако несмотря на тяжкий труд и материальные невзгоды, большая часть сельских учителей с достоинством осуществляла свою культурно-просветительскую миссию среди народа. «Сеять разумное, доброе, вечное» являлось не только профессиональной, но и нравственно-этической мотивацией деятельности, если не для большинства, то для весьма значительной части учителей народной школы. Идея служения народу, культивировавшаяся в сознании нескольких поколений российской интеллигенции XIX в., особенно была близка именно народным учителям. Не случайно И. Т. Савенков, первый директор Красноярской учительской семинарии, в своей книге «Опыт наставления

выпускным воспитанникам учительских семинарий, начинающим сельским учителям и учителям о главнейших обязанностях народного учителя» напутствовал своих учеников такими словами: «Сельский учитель, думающий, что его ответственность ограничивается только школой и что задачи его исчерпываются обучением, жестоко ошибается. Учитель народной школы стоит среди народа, а последний следит за тем, какое влияние он оказывает на его детей» [19, с. 38].

В своей культурно-просветительской практике сельские учителя пытались опереться прежде всего на традиции и наследие народной культуры, которая в начале XX в. сохраняла еще сильную религиозную окрашенность. Неслучайно поэтому учитель действовал в тесной связке с сельским священником, устраивая под его патронатом народные чтения, избы-читальни, книжные магазины, пропагандируя трезвый образ жизни. И хотя учитель и священник делали общее дело, просвещая народ в культурном и нравственном отношении, нередко на этой почве между ними возникало нечто вроде конкуренции. Некоторые священники, не желая мириться с подрывом монополии над духовной жизнью мирян, стремились подчинить учителей своему влиянию. Нередко конфликт из плоскости личных отношений переходил в столкновение социокультурного порядка.

Учителя (как правило, молодые люди), приобщившиеся к светской культуре, воспринимали претензии батюшек как проявление реакционного клерикализма. Нередко протест молодежи принимал эпатажные формы, вроде вызывающей модной одежды или короткой стрижки и курения у женщин. Уставом 1896 г. сельскому учителю рекомендовалось в быту носить такую одежду, которая бы не вызывала отторжения у крестьян: рубашка-косоворотка и пиджак, вместо накрахмаленной белой рубашки с галстуком и сюртука, нагольный полушубок вместо шубы, однобортный кафтан и войлочная шляпа. На занятия учитель должен был ходить в служебной форме – тужурке со светлыми пуговицами и фуражке с кокардой. Для женщин: платья-двойки, которые стали входить в начале XX в. в моду среди крестьянок, строгая прическа в виде косы, связанной узлом на затылке, украшения допускались только самые скромные. Молодым трудно было удержаться в рамках строгого духовного и культурного аскетизма, а если со стороны духовенства эти требования принимали форму грубого давления, то вызывали протест. Это зачастую накладывалось на неблагоприятный социальный фон (материальная неустроенность, бесправие, зависимость от сельской верхушки, с которой духовенство обычно находилось в тесной связке) и принимало уже социально-политическую окрашенность. Неслучайно в годы революции 1905–1907 гг.

учителя приняли активное участие в протестном движении. Они выступали инициаторами митингов крестьян, на которых от их имени писали указы с требованиями об облегчении податного гнета, отмене телесных наказаний, распространения на Сибирь земских организаций. Под их влиянием в указы вносилось требование свободы школы, под которым понималась ликвидация чиновничьей опеки и расширение влияния педагогических советов и родительских комитетов в вопросах управления школой. Полицейские власти в своих донесениях не раз сообщали о фактах, свидетельствовавших, что пропагандистская деятельность учителей имеет очень сильный отклик среди крестьян.

Общий вывод, сделанный властями о политической благонадежности учителей, оказался неутешительным. По всей России за участие в революционных событиях было репрессировано 23 тыс. учителей. Страх перед тем, что стихийный бунт народа будет направлен интеллигенцией в антимоноархическое русло, и вековая основа российского государства, выражавшаяся в формуле «православие – самодержавие – народность», рухнет, заставили правящую бюрократию пойти после революции на реформу школы, частью которой было улучшение материального положения сельского учительства.

Значительно лучше как материально, так и в плане общественного престижа было положение преподавателей средних учебных заведений. Они обладали более высоким образовательным цензом. Так, среди преподавателей Красноярской учительской семинарии в 1913 г., за исключением законоучителя, все имели высшее образование. В губернских гимназиях преподавали выпускники столичных университетов И. Т. Савенков, П. М. Головачев, А. К. Завадский-Краснопольский, Н. Н. Бакай, И. Д. Месс, А. С. Еленев и др. По школьному уставу 1864 г. ранги должностей гимназических преподавателей были повышены с X до VIII класса по Табели о рангах. А директор гимназии считался чиновником V класса. Оклад преподавателя гимназии в зависимости от разряда колебался в пределах от 750 до 1 500 руб., а учитывая стаж, дополнительную нагрузку, классное наставничество и пр., его максимальная планка могла подниматься до 3 тыс. руб., жалование директора гимназии могло достигать 5 тыс. руб. и более. Таким образом, жалование преподавателей гимназии превышало заработки учителей начальной школы в 2–3,5 раза.

По своему социальному статусу преподаватель гимназии стоял на уровне среднего чиновника. Это делало профессию привлекательной для выходцев из привилегированных сословий, поэтому подавляющее большинство гимназических преподавателей по своему происхождению были из дворян, чи-

новников, купцов, священников и в очень редких случаях – из казачества и мещан.

Образ жизни в городах, где культурная обстановка была все же более благоприятная для творческого и профессионального развития педагога, отличался от жизни сельского учителя в лучшую сторону. Гимназические учителя, как правило, составляли ядро местной культурной элиты, стояли у истоков многих культурно-просветительских начинаний – создания Общества врачей Енисейской губернии, Красноярского подотдела Русского географического общества, Общества любителей театра, просветительского лектория среди народа, Общества трезвости. Некоторые из гимназических преподавателей активно занимались научными исследованиями и внесли заметный вклад в развитие сибирского краеведения, а И. Т. Савенков, П. М. Головачев и Н. Н. Бакай, М. В. Красноженова стали видными учеными, труды которых получили признание в научных кругах России и за рубежом.

В начале XX в. учительство Енисейской губернии превратилось в заметную общественную силу. Однако его консолидации в самостоятельный профессиональный отряд местной интеллигенции препятствовала общая политическая ситуация в стране, при которой общественная самодеятельность строго контролировалась властью и направлялась исключительно в русло легального культуртрегерства и благотворительности. В начале XX в. среди учителей России начинается движение за создание профессиональных организаций по защите прав и улучшению условий работы. В 1902–1903 гг. проходит первый съезд учительских общественных организаций, а в 1904 г. создается «Союз народных учителей», объединивший демократически настроенную учительскую интеллигенцию. Под влиянием этих событий енисейские учителя решились на создание местной организации. В 1904 г. учителями было создано «Общество взаимного вспомоществования учащимся и учившим в Енисейской губернии», участники которого оказывали материальную помощь педагогам, выдавая ссуды учителям, помогали в устройстве на работу, организации медицинской помощи. Однако далее этих мер по защите прав учителей Общество не пошло.

Под влиянием первой русской революции заметно усиливается политизация местной интеллигенции, возникают организации, в программе которых задачи реформирования народного образования увязывались с общей демократизацией политического строя. К таким организациям относилась «Лига образования», местное отделение которой возникает в 1907 г. в Красноярске. Численность новой организации вскоре выросла до 200 человек, ее отделения появились в Ачинске, Канске. Ее ядро

составляли активисты местной кадетской организации, которые попытались передать деятельности организации партийную направленность, но это не получило поддержки у учителей.

Новый этап учительского движения связан с революционными событиями 1917 г. Большинство участников уездных съездов учителей, состоявшихся весной-летом 1917 г., приняли требования, направленные на демократизацию школы: введение всеобщего начального образования, единой общеобразовательной школы, развитие дошкольного и внешкольного образования, совместное обучение мальчиков и девочек, самоуправление школы. Делегаты учительских съездов единодушно выступили за исключение Закона Божия из числа обязательных предметов в школе и превращение епархиальных учебных заведений в светские. Красной нитью в постановлениях съездов проводилась задача «приблизить школу к народу», под которой

понимались не только изменения в системе управления школой, организации всей ее внутренней жизни, но и в содержании обучения.

Таким образом, учительство в начале XX в. превратилось в самую массовую профессиональную группу интеллигенции Енисейской губернии. Являясь выходцами из небогатых горожан, сельского духовенства, крестьян, сельские учителя были тесно связаны с жизнью народа, но в то же время по своему образованию, социально-культурным потребностям уже выступали носителями нового культурного уклада. Народный учитель становится связующим звеном между архаичной, традиционной по своему характеру народной культурой и культурой модерна конца XIX – начала XX в., выполняя роль своего рода медиума, обеспечивавшего связь между российской элитой, создавшей культуру «серебряного века» и полуграмотным обществом.

Список литературы

1. Вахтеров В. П. Нравственное воспитание и начальная школа. М.: Изд-во журнала «Русская мысль», 1901. 241 с.
2. Каптерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1982. 704 с.
3. Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М.: Польза, 1912. 224 с.
4. Березовский Н. П. О состоянии начального образования в Енисейской губернии за 1915 год. Общие сведения. Красноярск, 1916. 57 с.
5. Оносовский А. Начальные школы г. Красноярска: краткий историко-статистический очерк (до августа 1913 г.). Красноярск, 1914. 76 с.
6. Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Вып. 1: Общий ход развития школьного дела в Сибири. 1703–1917 гг. Новосибирск: Тип. Центросоюза, 1923. 246 с.
7. Жолудев Д. Г. Краткая история школ Красноярского края (до Великой Октябрьской социалистической революции). Енисейск, 1961. 155 с.
8. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М.: Мысль, 1971. 367 с.
9. Сучков И. В. Учительство в России в конце XIX – начале XX в.: М.: МГОПИ, 1994. 126 с.
10. Блинова О. В. Особенности общественно-политической активности учителей Западной Сибири в годы первой русской революции // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2011. № 1 (95). С. 17–20.
11. Казанцева Е. В., Курпас М. А. Кадровый состав начальной школы Восточной Сибири в начале XX века // Психологическая наука и практика образования: современные тенденции. Материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Красноярск, 16–17 апреля 2009 года. Красноярск, 2009. 286 с.
12. Неупокоев И. В. Учительство Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX века как социально-профессиональная группа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2006. 22 с.
13. Федорова В. И. Школа – учитель – общество. Из истории народного образования Енисейской губернии XIX – начала XX в. Красноярск, 2015. 244 с.
14. Шилов А. И. Педагогическое образование в Восточной Сибири конца XIX – начала XX в. Красноярск, 2004. 186 с.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. и с предисл. Н. А. Тройницкого. Т. 73: Енисейская губерния. СПб., 1904. 185 с.
16. Однодневная перепись начальных школ империи, произведенная 18 января 1911 г. СПб., 1913. 28 с.
17. Оносовский А. Краткие заметки о церковных школах Енисейской епархии за 1904 г. в связи с предполагаемым введением земств в Сибири // Енисейские епархиальные ведомости. 1905. № 18. С. 470–490.
18. Сибирская школа. 1916. № 5. С. 48–52.
19. Савенков И. Т. Опыт наставления выпускным воспитанникам и народным учителям о главнейших обязанностях сельского учителя. Красноярск, 1892. 52 с.

Федорова Вера Ивановна, доктор исторических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (ул. Ады Лебедевой, 89, Красноярск, Россия, 660060). E-mail:vi-fedorova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 20.01.2017.

DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-27-33

TEACHER INTELLECTUALS OF THE YENISEI PROVINCE AT THE TURN OF XIX–XX CENTURIES: SOCIO-CULTURAL CHARACTERISTICS

V. I. Fedorova

Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russian Federation

The article examines teacher intellectuals of the Yenisei province in the XIX–XX centuries. The objective is to identify the population dynamics, social and right position, educational level, moral-ethical motivation of professional activities, cultural interests and political mood. The author states that the number of teachers in the province from 1897 to 1915 increased by 1.5 times, amounting in 1916 1148 man. The predominant age group was young people under 30, whose professional experience was less than 5 years. By 1915 74,6 % of teachers had primary and secondary special education. The vast majority of teachers came from the lower classes: petty bourgeois, peasants, Cossacks, village priests. The salary of rural teachers was slightly above the earnings of the wage worker in industry and ranged from 50 to 620 roubles a year. Higher social status had the teachers of the middle schools. Their salary 2–3,5 times was higher than that of the primary school teachers. In their cultural and educational practices teachers tried to adhere to the traditions of folk culture, which retained a strong religious colouring. The author claims that the teachers, being the most massive professional group of provincial intellectuals, played a leading role in translating the achievements of cultural modernity into the mass consciousness of the Siberian society.

Key words: *teacher intellectuals, socio-professional group, social and legal status, professional organizations, cultural modern.*

References

1. Vakhterov V. P. *Nravstvennoye vospitaniye i nachal'naya shkola* [Moral education and elementary school]. Moscow, «Russkaya mysl'» Publ., 1901. 241 p. (in Russian).
2. Kapterev P. F. *Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya* [Selected pedagogical works]. Moscow, Pedagogika Publ., 1982. 704 p. (in Russian).
3. Chekhov N. V. *Narodnoye obrazovaniye v Rossii s 60-kh godov XIX veka* [Public education in Russia since the 60-ies of the XIX century]. Moscow, Pol'za Publ., 1912. 224 p. (in Russian).
4. Berezovskiy N.P. *O sostoyanii nachal'nogo obrazovaniya v Eniseyskoy gubernii za 1915 god. Obshchiye svedeniya* [Status of primary education in the Yenisei province for 1915. General information]. Krasnoyarsk, 1916. 57 p. (in Russian).
5. Onasovskiy A. *Nachal'nyye shkoly g. Krasnoyarska: kratkiy istoriko-statisticheskiy ocherk (do avgusta 1913 g.)* [Elementary schools of Krasnoyarsk: a brief historical and statistical sketch (up to August 1913)]. Krasnoyarsk, 1914. 76 p. (in Russian).
6. Yurtsovskiy N. S. *Ocherki po istorii prosveshcheniya v Sibiri. Vyp. 1: Obshchiy khod razvitiya shkol'nogo dela v Sibiri. 1703–1917 gg.* [Essays on the history of education in Siberia. Vol.1: the General course of development of school education in Siberia. 1703–1917]. Novonikolayevsk, tip. TSentrosoyuz Publ., 1923. 246 p. (in Russian).
7. Zholudev D. G. *Kratkaya istoriya shkol Krasnoyarskogo kraya (do Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii)* [A brief history of the schools of the Krasnoyarsk territory (before the great October socialist revolution)]. Yeniseisk, 1961. (in Russian).
8. Leykina-Svirskaya V. R. *Intelligentsiya v Rossii vo vtoroy polovine XIX v.* [The intelligentsia in Russia in the second half of the XIX century]. Moscow, Mysl' Publ., 1971. 367 p. (in Russian).
9. Suchkov I. V. *Uchitel'stvo v Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Teaching in Russia in the late XIX - early XX centuries]. Moscow, MGOPI Publ., 1994. 158 p. (in Russian).
10. Blinova O. V. *Osobennosti obshchestvenno-politicheskoy aktivnosti uchiteley Zapadnoy Sibiri v gody pervoy russkoy revolyutsii* [Particular socio-political activity of teachers of Western Siberia during the first Russian revolution]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk Scientific Bulletin. Series: Society, History, Modernity*, 2011, no. 1 (95), pp. 17–20 (in Russian).
11. Kazantseva E. V., Kurpas M. A. *Kadrovyy sostav nachal'noy shkoly Vostochnoy Sibiri v nachale XX veka* [The Personnel of primary schools of Eastern Siberia in the early twentieth century]. *Psikhologicheskaya nauka i praktika obrazovaniya: sovremennyye tendentsii. Materialy III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Krasnoyarsk, 16–17 aprelya, 2009 [Psychological science and education practice: current trends. Proceedings of the III all-Russian scientific-practical conference. Krasnoyarsk, April 16–17, 2009]. Krasnoyarsk, 2009. 286 p. (in Russian).
12. Neupokoyev I. V. *Uchitel'stvo Tobolskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka kak sotsial'no-professional'naya gruppy. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Teaching of the Tobolsk province in the second half of XIX – early XX century as a socio-professional group. Abstract of thesis cand. hist. sci.]. Kurgan, 2006. 22 p. (in Russian).
13. Fedorova V. I. *Shkola – uchitel' – obshchestvo. Iz istorii narodnogo obrazovaniya Eniseyskoy gubernii XIX – nachala XX v.* [School – teacher – society. From the history of national education of the Yenisei province XIX – early XX centuries]. Krasnoyarsk, KSPU Publ., 2015. 244 p. (in Russian).
14. Shilov A. I. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Vostochnoy Sibiri kontsa XIX – nachala XX v.* [Pedagogical education in Eastern Siberia in the late XIX-early XX centuries]. Krasnoyarsk, KSPU Publ., 2004. 186 p. (in Russian).

15. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. Eniseyskaya provintsiya. Pod red. i s predisloviyem N. A. Troynitskogo [The first General census of the Russian Empire in 1897 the Yenisei province. Edition and preface by N. A. Troiniskiy]. St. Petersburg, 1904, vol. 73, 185 p. (in Russian).
16. *Odnodnevnyaya perepis' nachal'nykh shkol imperii, proizvedennaya 18 yanvarya 1911 g.* [A one-day census of elementary schools of the Empire, made on 18th January, 1911]. St. Petersburg, 1913. 28 p. (in Russian).
17. Onasovskiy A. Kratkiye zametki o tserkovnykh shkolakh Eniseyskoy eparkhii za 1904 g. v svyazi s predpolagayemym vvedeniyem zemstv v Sibiri [Brief notes on Church schools of the Yenisei diocese in 1904 in connection with the proposed introduction of Zemstvos in Siberia]. *Eniseyskiye eparkhial'nyye vedomosti – Yenisei diocesan statements*, 1905, no. 18, pp. 470–490 (in Russian).
18. *Sibirskaya shkola – Siberian school*, 1916, no. 5. pp. 48–52 (in Russian).
19. Savenkov I. T. *Opyt nastavleniya vypusknykh vospitannikam i narodnym uchitelyam o glavneyshikh obyazannostyakh sel'skogo uchitelya* [Experience in counseling graduation students and national teachers of the main responsibilities of rural teachers]. Krasnoyarsk, 1892. 52 p. (in Russian).

Fedorova V. I., Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astaf'iev (ul. Ady Lebedevoy, 89, Krasnoyarsk, Russian Federation, 660060). E-mail: vi-fedorova@yandex.ru